

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Труды Института языкознания [АН СССР], т. I [Сб. статей.] Редколлегия: В. В. Виноградов (отв. ред.), В. И. Борковский, Н. А. Баскаков, Б. В. Горнунг, В. С. Соколова, С. И. Ожегов (отв. секр.). М., Изд-во АН СССР, 1952. 232 стр.

Институт языкознания АН СССР за короткий срок своего существования сумел издать ряд работ, знаменующих крутой поворот в советском языкознании от бредового «гадания на кофейной гуще», свойственного последователям «нового учения» о языке, в сторону подлинных языковедческих исследований. Об этом повороте свидетельствует и первый том «Трудов» Института.

Как положительную сторону рецензируемого сборника прежде всего нужно отметить, что в нем представлены исследования по всем основным группам языков многонационального Советского Союза (тюркской, финно-угорской, кавказской, иранской); отдельным группам посвящено даже по несколько работ. Другим достоинством этого сборника является то, что подавляющее большинство содержащихся в нем работ написаны без излишнего теоретизирования, тесно связаны с исследованием данных языка, чем они выгодно отличаются не только от трудов, изданных во время господства «пового учения» о языке, но даже от некоторых работ, помещенных в теоретических сборниках, выпущенных Институтом языкознания за последние годы. Работы, собранные в первом томе «Трудов», в основном, представляют собой исследования частных вопросов по отдельным языкам и насыщены конкретным языковым материалом.

Не будучи специалистом по большинству языков, представленных в данном томе «Трудов», автор настоящей рецензии ограничивается лишь некоторыми замечаниями, касающимися общей постановки вопросов, затронутых в отдельных работах.

В вводной статье Б. А. Серебряникова «Новые задачи в области изучения языков народов СССР» (стр. 3—6) сжато, но достаточно четко и полно охарактеризован современный этап развития советского языкознания, его недостатки, а также ближайшие и дальнейшие задачи. Поэтому статья Б. А. Серебряникова является хорошим предисловием к последующим работам. Едва ли только достаточно скромно звучит следующая формулировка: «Огромную работу по изучению русского языка и языков народов СССР проводит Институт языкознания Академии наук СССР, за короткий период своего существования успевший превратиться в руководящий центр советского языкознания» (стр. 4). Хотя справедливости этих слов, вероятно, никто не станет оспаривать, все же лучше было бы, если бы они были написаны посторонним автором, а не заместителем директора Института языкознания, и не в издании Института.

Статья Н. А. Баскакова «Классификация тюркских языков в связи с исторической периодизацией их развития и формирования» (стр. 7—57) представляет собой интересную попытку классификации названных языков по новым принципам. Автору данной рецензии, не являющемуся специалистом по тюркским языкам, трудно судить о том, насколько языковые материалы, приведенные Н. А. Баскаковым для подтверждения предложенной им классификации, являются полными. Можно только отметить, что характеристика отдельных языковых групп и подгрупп строится Н. А. Баскаковым на основании разного охвата материала, при опоре на различное количество сторон языковой системы. Так, при характеристике языков болгарской группы привлекаются данные фонетики, отчасти лексики, но не приводится ни одного факта из морфологии и синтаксиса, ничего не говорится о синтаксисе огузской группы; в отношении кыпчакской группы автор ограничивается характеристикой только фонетических особенностей и т. д.

Разумеется, что ограниченность объема статьи не давала автору возможности ввести в изложение больший языковой материал. Но, с другой стороны, нам кажется, что статья такого типа могла бы быть вполне убедительной только в том случае, если бы история отдельных языков, входящих в данные группы, была хорошо изучена, как изучена, например, история некоторых групп индоевропейских языков (германских, романских и т. д.). Тогда, при наличии проверенных научных фактов, на основе нового метода, предлагаемого Н. А. Баскаковым, может быть, и можно было бы пересмотреть

вопросы классификации отдельных групп и подгрупп этих языков. Но история отдельных тюркских языков, да и народов, еще мало изучена, нет хорошей сравнительно-исторической фонетики и грамматики тюркских языков. Поэтому автору и некуда черпать материалы для своей итоговой статьи, являющейся вследствие этого во многих частях, повидимому, дискуссионной, несмотря на то, что автор справедливо подвергает критике существующие схемы буржуазных лингвистов, которые, по его словам, строили классификацию языков только на исследовании отдельных лингвистических фактов без анализа истории и развития языка и истории народа — носителя данного языка (см. стр. 18, 19). В работе Н. А. Баскакова следует также отметить увлечение цитатами, что в момент появления «Трудов» являлось, к сожалению, общепринятым.

В статье Н. А. Баскакова имеются отдельные неточности и спорные моменты. Так, на стр. 9 автор утверждает, что «сведения о языках племен и племенных союзов, равно как и сами памятники этих языков, представлены в науке довольно полно». Поскольку автор здесь говорит о языках вообще, это утверждение является неверным, так как, например, от племенных языков финно-угорской группы осталось очень мало памятников, да и по отношению к тюркским языкам, вероятно, дело обстоит не так уж хорошо.

На стр. 10 Н. А. Баскаков пишет, что «именно эти особые черты своего словарного состава и грамматического строя в местных („территориальных“) диалектах... позволили данным диалектам лечь в основу народных или национальных языков...» Подобная формулировка едва ли основательна: никакие «особые» черты словарного состава и грамматического строя не могут быть причиной возвышения одного диалекта над другими, потому что все диалекты имеют свои особые черты словарного состава и грамматического строя.

Вызывает возражение и такая формулировка: «Общность этих языков выражается также и во многих фонетических чертах, которые, как известно, являются и в большей и в меньшей степени» (стр. 15; разрядка моя. — К. М.). До сих пор в науке является общепринятым, что наиболее проникаемая часть языка — это лексика, а фонетика, особенно основа фонетической системы языка, — очень устойчива, почти так же устойчива, как и морфологическая система. Такие характерные фонетические явления отдельных языков, как сингармонизм, упрощение групп согласных в начале слова и т. п., сохраняются тысячелетиями.

Противоречива формулировка о том, что каждый современный тюркский народ формировался относительно поздно, но исторически связан с более ранними восточными союзами племен. Вероятно, только часть тюркских народов была связана с восточными союзами племен, а другая — с западными, так как разделение тюркских племен на западные и восточные произошло, по словам автора, еще в начале нашей эры (стр. 21).

В сборнике опубликованы две статьи В. И. Лыткина, каждая из которых насыщена обильным языковым материалом, представляющим значительную ценность не только для дальнейших исследований в области пермских языков, но и для составления в будущем сравнительно-исторической фонетики финно-угорских языков, в которой остро нуждаются отечественные и зарубежные финно-угроведы.

Первая работа В. И. Лыткина «К вопросу о вокализме пермских языков» (стр. 49—106), если судить по заглавию, посвящена только вопросу о вокализме пермских языков, а на стр. 58 автор заявляет, что его работа «...посвящена одному частному вопросу исторической фонетики угро-финских языков, а именно вопросу системы гласных этих языков». На самом же деле автор вообще не исследует вопроса о системе гласных финно-угорских языков, он дает лишь критический обзор взглядов различных ученых по данному вопросу. При этом автором допускаются некоторые неточности. Так, трактуя вопрос о гармонии гласных в финно-угорских языках (стр. 60), автор совершенно упускает из вида некоторые финно-угорские языки, которые с точки зрения гармонии гласных тоже представляют интерес, хотя бы в историческом плане. Это прежде всего живые языки прибалтийско-финской группы: эстонский, карельский, венский, лыский. С другой стороны, «гармонию гласных» мордовского языка (речь идет об эрзя-мордовском диалекте) не следует ставить в один ряд с гармонией гласных в финском или венгерском языке, так как в мордовском мы имеем скорее сложное взаимодействие гласных и согласных, причем даже в этом плане чередованием задне- и переднеязычных гласных охвачено лишь два звука: *о* и *э*.

На стр. 59 В. И. Лыткин неправильно переводит название работы венгерского языковеда З. Гомбоца: следовало бы писать не «К истории венгерского звука *a*», а «К истории венгерских *a*-звуков». Их в венгерском языке имеется два: лабиализованный и нелабиализованный.

В статье «Об удареии в коми-пермяцком языке» (стр. 106—119) В. И. Лыткин утверждает, что в угро-финских языках, кроме коми-пермяцкого, «...лексическое ударение не несет морфологической функции (если не считать единичных случаев)» (стр. 107). Однако в мокиша-мордовском диалекте (в известных фонетических условиях) ударением отличается инфинитив на *-ма* от имени действия на *-ма*, причем это проти-

воном и явлении инфинитива и имени действия при помощи ударения является *вои* с не «единичным (сичаеи), а регулярным фонетическим явлением. Можно было бы опасаться также правомерности термина, применяемого В. П. Лыткиным, — «коми пермяцкий язык» (см. заглавие статьи). Если учитывать реальные языковые отношения (существующие в пределах языка коми) то более правильным было бы придерживаться старого термина «коми пермяцкий диалект», поскольку как известно, коми чирине и коми пермяки свободно понимают друг друга.

В статье Д. И. Аджиева «Слово об „вода“ в современном таджикском языке» (Из материалов по таджикской лексикологии) (стр. 120—153) на примере образования от одного слова (слова *об*) таджикского языка показано, насколько широко слово основного словарного фонда могут быть использованы для образования новых слов и фразеологических единиц. Недостатком этой статьи является то, что автор почти не говорит о путях развития значений слова даже не ставит вопроса об омонимии или подводит к этому вопросу неправильно. Так, на стр. 121 возражая (в примечаниях) П. Хорну, который два значения слова *об* — «вода» и «блеск» объясняет совпадением в одном звуковом комплексе двух разных по происхождению слов, Д. И. Аджиев утверждает, что слово *об* со значениями «вода» и «блеск» воспринимается как одно слово. Не объясняется также и другое дачекое значение звукового комплекса *об* — «камка вышивки» (стр. 123), значение «буквы» в сочетании *об тило* «золотые буквы» (стр. 123) и т. д.

На стр. 122 Д. Т. Таджиев пишет, что слово *об* пронизано во все типы словосочетаний. Непонятно, какие типы словосочетаний имеются тут в виду — синтаксические или фразеологические. Из материала статьи становится очевидным, что речь идет как и можно было ожидать, только о фразеологических единицах, которые автор называет следуя терминологии акад. И. И. Мещанинова, «лексическими словосочетаниями» (стр. 122). Грамматическая сторона образования с *об* в статье, как правило, остается неисследованной. На стр. 135, например, совершенно не указывается на то что *об* в сложных словах выступает и как первый и как второй компонент (сложного слова что само по себе является результатом различных грамматических (взаимных) компонентов по отношению друг к другу) (см. примеры *нилоб*, *зокоб*, *обзона обзаста* и т. д.).

Следует признать неправильным и то, что автор не проводит границы между сочетанием слов, фразеологической единицей, источно называемой автором словосочетанием, и сложным словом как таковым, автор здесь следует лишь критериям лексического характера (стр. 141).

По мнению автора, в одних сочетаниях (сложных словах) значение каждого компонента « в отдельности не осознается, но вместе они составляют одно понятие » и только этим и отличаются от других сочетаний, « в которых значение каждого из компонентов (особенно второго компонента) осознается, но значение композиции или словосочетания шире обоих компонентов ». При этом автор ссылается на высказывание Л. В. Щербы согласно которому « словосложение не находится в формальном выражении, и любая синтаксическая группа может оказаться сложным словом, которое должно отличаться от группы лишь тем, что оно значит больше, чем сумма значений образующих его слов » (стр. 141). Однако из такого рассуждения вытекает, что нет никакой разницы между таким словом как *железобетон*, и такой фразеологической единицей как *железная дорога*. Ведь и в том и в другом соединении выражено одно понятие, и в том и в другом отдельные компоненты осознаются, и в том и в другом значение соединения не есть простая сумма значений отдельных составных частей.

По нашему же мнению, такой взгляд является неправильным, и здесь мы присоединяемся к мнению проф. А. И. Смирницкой, которая считает, что «отличительным признаком сложного слова является его цельнооформленность. «Отличаясь от части слов более свободной видностью, слово характеризуется, с другой стороны определенной внутренней цельностью, отличающей его от словосочетания» И далее « в отличие именно от словосочетания слово может быть охарактеризовано как обладающее цельнооформленностью » а также « В отличие от слов как цельнооформленных образований словосочетания могут быть определены как образования раздельнооформленные »¹. На важность различия фразеологических групп от слов по линии как их структуры, так и семантических основ указывает В. В. Виноградов «Необходимо пристальнее входить в структуру фразеологических групп, более четко разграничить их основные типы и определить их семантические основы, их отношение к слову»².

Эти слова имеют непосредственное отношение и к другим положениям статьи Д. Т. Таджиева так как в его статье нечетко выделяются не только структурные основы слов и фразеологических единиц, но так же и семантические основы различных фразеоло-

¹ А. И. Смирницкая, К вопросу о слове (Проблема «отдельности слова»), сб. «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию», М., 1952, стр. 197.

² В. В. Виноградов Русский язык, М — Л, Учпедгиз, 1947, стр. 22.

«идиомы» и «крылатые выражения». Некоторые примеры приведенные в статье, показывают, что понимание автором этих терминов во всяком случае сильно отличается от общепринятого в языковедении понимания. Так, образное выражение, употребляемое для характеристики слухости *Кабба об зам намедизад* (в буквальном переводе «Не даст никому даже воды»), едва ли можно назвать идиомой, о чем свидетельствует тот факт, что буквальным перевод этого выражения на русский язык очень хорошо понятен.

Работа Е. А. Бокарева «Гинухский язык (предварительное сообщение)» (стр. 193—204) даст, безусловно, очень ценные, хотя и предварительные, по словам автора, данные об этом изученном языке и, вероятно, представляет большой интерес для развития кавказоведения. Автор придерживается того мнения, что гинухский язык является самостоятельным языком «гинухский язык нельзя рассматривать как наречие какого-либо другого языка, а следует считать, наравне с цезским (диодийским), хваршинским, беагтинским языками, особым представителем цезской группы языков Дагестана» (стр. 194). Но если это так, то почему на стр. 195 автор утверждает, что объективно этот язык для цезов не должен казаться мало понятным. По нашему мнению основным критерием самостоятельности какого-либо языка среди родственных языков является то, что он неценноцетически представляет этих родственных языков.

По поводу фонетических соответствий между гинухским и цезским языком (стр. 195) автор, ограничиваясь лишь примерами, не делает никаких выводов, видимо, представляя это читателю, что, впрочем, последнему не всегда дается легко. Можно сожалеть также и о том, что в статье нет описания физиологической и акустической стороны даже тех звуков, которые судя по буквенному обозначению, отсутствуют в русском языке.

На стр. 197 автор пишет, что «в аварском языке активный падеж совпадает формально с творительным падежом, в цезском — с местным падежом». По нашему мнению, об отдельном падеже можно говорить лишь в том случае, если для него имеется отдельное формальное выражение. Если же в аварском языке активный падеж совпадает формально с творительным падежом, а в цезском — с местным, то в аварском нет активного падежа, а только творительный, одной из функций которого является выражение субъекта при переходных глаголах, соответственно и в цезском имеется только местный падеж, который может выражать также субъект при переходных глаголах. Впрочем автор ниже и сам рассуждает так, будто разделяет наши взгляды, заявляя, что «одной из функций дагестанного падежа является выражение подлежащего при глаголах восприятия» (стр. 197).

Очень жаль, что в своем предварительном сообщении автор приводит лишь данные по морфологии, а описания фонетики не дает, ограничиваясь лишь некоторыми фонетическими соответствиями гинухского языка сравнительно с цезским языком. Вероятно, целесообразнее начинать описание любого языка, даже и предварительное, с описания фонетического строя, или уж, во всяком случае, следовало бы в заглавии статьи оговорить что дается сообщение только о морфологической структуре языка.

Записанная Е. А. Бокаревым лекция на гинухском языке удачно дополняет и иллюстрирует сведения, которые даны в этой небольшой, но интересной статье.

Статья Ю. Д. Дешериева «Система грамматических классов в дагестанском языке» (стр. 205—217) посвящена одному из интереснейших явлений в иберийско-кавказских языках. Автор детально исследует условия применения классных показателей как по семантике ведущего слова, так и по синтаксическому признаку. В конце статьи в выводах относительно развития системы грамматических классов автор подчеркивает тенденцию к разрушению этих классов. Однако некоторые предположения еще ждут дальнейших доказательств, как например предположение о том, что классные показатели когда-то представляли собой значимые слова имени.

В статье имеются некоторые неясные места. Так, автор утверждает в одном месте, что классные показатели принимаются глаголами, прилагательными, наречиями числительными, «которые вступают с именем в синтаксическую связь» (стр. 206). Он разбирает классы слов по частям речи. Однако ниже на той же странице автор приурочивает классные показатели к определенной синтаксической функции и говорит о классном определении, причем неизвестно, может ли это определение являться числительным, местоимением или только прилагательным, как это иллюстрирует данный им пример.

На стр. 209 автор не оговаривает, почему среди слов третьего класса вдруг оказывается слово *тлрплу*, которое по своему значению («кучер») должно было бы принадлежать к первому классу (к классу мужчин).

Из статьи Б. Х. Балкарова «Некоторые особенности бесленевского диалекта кабардинского языка» (стр. 218—230) читатель может получить весьма точные и интересные сведения о некоторых фонетических, морфологических и лексических особенностях бесленевского диалекта, отличающих его от основного диалекта кабардинского языка, легшего в основу литературного кабардинского языка. Особенно интересно в статье (насколько можно судить не специалист по кавказским языкам) сравнение

системы согласных и гласных звуков, хотя автор лучше сделал бы, если бы делил звуки по участию активных, а не пассивных артикуляционных органов (см. на стр. 219 выражения «мягкобелые», «переднемягкобелые» и т. д., которые не дают представления о характере артикуляции отдельных соответствующих звуков).

Имеются в статье неточные формулировки, как, например, следующая: «Наиболее ярко черты бесленеевского диалекта обнаруживаются в системе согласных» (стр. 218). Здесь следовало бы добавить: «в отличие от кабардинского языка». Без этого добавления можно подумать, что основные черты какого-либо диалекта могут выражаться в одной какой-либо стороне его строя, в данном случае — в системе согласных.

Совершенно непонятен предпоследний абзац стр. 225, где автор пишет: «Формы органической принадлежности в бесленеевском диалекте ближе к формам имущественной принадлежности. Эти формы (разрядка моя. — К. М.) не совпадают с адыгскими...» и т. д. К чему относятся здесь слова «эти формы»? К формам «органической принадлежности» или к формам «имущественной принадлежности»? Неясно также, что обозначает слово «ближе», потому что неизвестно, с чем, с каким языком или диалектом дается сравнение. Неясно также, в каком языке или диалекте их «вытесняют формы имущественной принадлежности» — в адыгейском или бесленеевском. Не объяснены мотивы, по которым автор утверждает, что префиксы органической принадлежности «...более древние, чем префиксы имущественной принадлежности» (стр. 225).

Непонятно, как понимает автор термин «заимствование». Без специальных объяснений несколько странно звучит указание, что в бесленеевском диалекте имеется много заимствований из адыгейского языка (стр. 227), т. е. именно из того языка, к которому, собственно, и принадлежит бесленеевский диалект (если не считать более близкого — кабардинского). Идет ли здесь речь о словах, которые вначале были заимствованы адыгейским языком и потом попали из него в бесленеевский диалект? Или о словах, которые когда-то были общими для адыгейского и бесленеевского, но исчезли из последнего и были снова приобретены из адыгейского в характерном для него оформлении.

Как было сказано выше, наши замечания относятся к частным вопросам отдельных статей, помещенных в сборнике. В общем же сборник составлен удачно, так как в нем можно найти весьма ценные материалы по многим вопросам, касающимся различных языков. Желательно, чтобы Институт языкознания еще не один том своих «Трудов» посвятил исследованиям по языкам национальностей Советского Союза.

К. Е. Майтинская

Труды Института языкознания [АН СССР], т. II. [Сб. статей.] Редакция: В. В. Виноградов (отв. ред.), В. И. Борковский, Н. А. Баскаков, Б. В. Горнун, В. С. Соколова, С. И. Ожегов (отв. секр.). М., Изд-во АН СССР, 1953. 275 стр.

Второй том «Трудов Института языкознания» целиком посвящен различным вопросам русского языкознания. Он открывается большой статьей И. А. Поповой «Неполные предложения в современном русском языке» (стр. 1—136). На богатом материале, почерпнутом из произведений русской художественной литературы разных жанров и из сочинений научного, научно-популярного и публицистического характера, здесь раскрывается структурное многообразие тех синтаксических конструкций, которые по установившейся традиции называются «неполными предложениями». Общая установка, из которой исходит автор в своей работе, формулируется следующим образом: «...только исходя из рассмотрения с о д и а л ь н ы х функций языка — его коммуникативных функций как орудия общения и выражения мысли, только исходя из учета задач и условий речевого общения, можно решать вопрос о той или иной степени полноты предложения, достаточности его формально-грамматического состава» (стр. 3—4). Поэтому для автора самый «вопрос о смысловой и формальной полноте отдельного высказывания связан с общей теорией предложения, с проблемой выражения мысли словом» (стр. 4).

Исходя из положения марксистского языкознания, что оголенных мыслей, свободных от языкового материала, не существует и что реальность мысли проявляется в языке, И. А. Попова закономерно приходит к своему основному тезису о том, что предложение, понимаемое как форма бытия, проявления мысли, всегда «полностью выражает эту мысль средствами языка, поскольку все, не нашедшее выражения в языковом материале», не является мыслью» (стр. 23). Этому положению соответствует и заключительный вывод всей статьи: «...при учете всех средств выражения... почти каждое предложение окажется выражающим относительно законченное высказывание и тем выполняющим свои коммуникативные функции, т. е. полны предложениями»